
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ КАК ЗЕРКАЛО ЕГО ЛИЧНОСТИ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Многие известные современные писатели России стремятся как можно чаще появляться на ТВ, радио, раздавать интервью, «присутствовать» в глобальной сети. И ничего плохого в этом нет: ближе познакомившись с личностью писателя, читатель будет лучше понимать особенности его литературного творчества и, скорее всего, поновому оценит его Художественное Слово. А кто-то впервые услышит имя прозаика или поэта и, возможно, вскоре откроет его книгу для прочтения.

Жаль только, что целый ряд известных российских писателей, образно говоря, растолкав локтями своих литературных героев и представив нам свое лицо», не понимают, что их «физиономии» не вызывают симпатий. Имею в виду «лицо» их интеллекта и культуры. Часто поражает примитивизм мышления, незнание истории своей страны, политическая близорукость... и даже порой косноязычие. Своими выступлениями они лишь способствуют уничтожению исторической правды, нашей культуры, морали, чести и достоинства, да и теряют «писательский вес» в глазах читателей.

Вот всего несколько примеров.

«Гордость» современной русской литературы Михаил Веллер в своей передаче на радиостанции «Эхо Москвы», говоря о возрастающей популярности Сталина, заявил: «В перевороте двадцать пятого октября семнадцатого года товарищ Сталин сыграл роль предельно небольшую... в общем, в первом ряду он и близко не был».

Никоим образом не покушаясь на компетентность господина Веллера в исторических вопросах, хочу все же заметить, что реальная картина выглядела совсем иначе. На 6 съезде РСДРП (июль — август 1917 года) Сталин выступил с Отчетным докладом ЦК. А уже на заседании ЦК РСДРП 5 августа 1917 года его избрали членом узкого состава ЦК. 10 октября 1917 года на заседании ЦК его избрали членом Политбюро, куда входило всего ЧЕТЫРЕ члена ЦК. В ночь на 16 октября 1917 года на заседании ЦК Сталин стал членом Военно-революционного центра. Именно он выступал с докладом о вооруженном восстании (В. И. Ленин в это время скрывался в Разливе). Так что в данном вопросе Михаил Веллер или заблуждается*, или несколько лукавит.

Кто же после этого будет доверять его художественному слову? Только те, чей

* Позволю себе ремарку: я перестал вовсе слушать передачи Веллера на радио-ТВ после того, как в одной из них Михаил Иосифович изумился, услышав от задающего вопрос слушателя, что румыны суть православные по вероисповеданию (?!). «Надо в энциклопедии посмотреть», — заметил он... — Прим. гл. ред.

мозг не осмеливается мыслить самостоятельно, а «питается» мифами, сочиненными врагами социалистических идей и России.

В Ютубе можно встретить немало роликов с выступлениями Михаила Иосифовича, в том числе и таких, где он призывает толпу к силовой смене власти. Но это чистой воды провокация.

Да, действительно, сейчас сложилась ситуация, когда ««низы» не хотят, а «верхи» не могут». Однако этого недостаточно; еще необходимо появление партии трудящихся, которая поведет за собой массы. А такая партия пока не сформировалась. «Низы» не хотят, но ведут себя пассивно. Никто не сможет отнять у нас наше священное право на бесправие. Прибегая к иронии, можно сказать: так много людей с головой ушло в политику, что выпускаемые ими пузыри создают эффект брожения в обществе.

Вместе с тем, В. В. Путин не должен забывать, что опасность редко кричит о себе и шаг в пропасть определяет весь дальнейший маршрут.

Другая «знаковая» фигура современной русской литературы — Людмила Улицкая — в своем интервью, рассуждая о книге Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и истории России, заявила: «Если бы эта страна прочитала эту книжку своевременно, то в голову бы не пришло выбирать руководителем страны человека из КГБ... организации, которая уничтожила огромное количество лучших людей поколения, нескольких поколений...».

После подобных «казусов Улицкой» у думающих читателей сразу же возникает вопрос: «Если были уничтожены лучшие люди поколений и остались только среднячки и худшие, то кто же построил мощную индустрию, разгромил фашистскую Германию, создал шедевры в искусстве и литературе, первым в мире прорвался в космос?..». Значит, напрашивается другой вывод: уничтожили в основном как раз тех, кто мешал сделать СССР мировой державой.

В этом же интервью Улицкая с сожалением говорит о том, что «сегодня в книжных магазинах книги «Архипелаг ГУЛАГ» лежат пачками, и никто их не покупает». А не покупают потому, что эта книга закладывает в головы читателей «мстительные фантазии, фобии, недостоверные факты и гипертрофированную антисоветчину» (Юрий Поляков). Слушая интервью Улицкой, так и хочется воскликнуть: «Прошу вас, гражданка, очистить стул!» (Ильф и Петров).

Оба деда Людмилы Евгеньевны в сталинские годы были репрессированы, поэтому ее обида на органы госбезопасности в какой-то степени понятна. Однако обида — не лучший союзник в поиске истины. Мой дед по матери — Румянцев Иван Иванович — тоже был репрессирован: 20 декабря 1937 года арестован, 30 декабря 1937 года осужден по ст. 58-10 к ВМН, 3 января 1938 года расстрелян. Фактически только за то, что был священником и в кругу приятелей критиковал некоторые мероприятия советской власти. Но это же не значит, что я должен смотреть на белое и говорить: «Черное!».

Людмиле Улицкой нужно задаться другим вопросом: почти все архивы КПСС рассекречены, но почему до сих пор не доступны для изучения историков фонды отдела административных органов, то есть отдела, который осуществлял контроль за органами ОГПУ-НКВД-КГБ, Прокуратурой СССР и Верховным судом СССР? Почему до сих пор на документах вышеупомянутых фондов стоит гриф «секретно»? Пока историки не изучат эти документы, мы толком так ничего и не узнаем о событиях 1937 года, и нас будут кормить мифами про многомиллионные безвинные жертвы.

Почему буржуазная власть не снимает грифа секретности? Понятно почему. Тогда народ узнает правду. И рассекреченная правда никак не будет соответствовать тому, о чем с утра до вечера долдонят наши СМИ, а за ними повторяют веллеры, улицкие, быковы и другие альбацы.

Когда обнарудут хотя бы часть вышеуказанных документов, вскрыется интереснейшая картина: в 1937 году в НКВД до трети сотрудников имели небольшевистское прошлое, лица с рабочим и крестьянским происхождением составляли абсолют-

ное меньшинство, существенная часть сотрудников были идейными сторонниками Троцкого, руководителями высшего и среднего звена, в основном, были лица не славянского происхождения, и т. д., и т. п.

А вот еще одна «достопримечательность» современной русской литературы — Татьяна Толстая. Для каждого, о ком пишет, Толстая находит «доброе» слово: известная журналистка для нее — «вонючка»; переводчики — «идиоты, мерзавцы, му...звоны», патриарх — «вредный дурак», и т. п. А еще Татьяну Никитичну повсюду окружают «козлы, кретины, бездари и неучи».

Когда в Приморье бандиты начали убивать работников правоохранительных органов, Толстая публично заявила: «Когда узнала, что стали ментов мочить, прямо от радости задрожала».

По ее словам, роман «Кысь» она написала именно про русских. Люди там питаются «черными зайцами», кушают мышей и червей, отчего и становятся русскими. Она убеждена, что у русского человека «тяга к разрушению», ему бы «выпить, буяннить, все заблевать».

И вот резюме Толстой: «Любовь к России — это слюни сладкие. Это вообще дурной тон».

Да-а, много злости накопила Толстая за свою жизнь. Видимо, она руководствуется принципом «Время собирать камни за пазухой и время бросать их в чужой огород». Полагаю, что для нее потеря дара речи могла бы стать даром судьбы.

Вот такие у нас сегодня «властители дум».

К моей статье ««Капканы» на литературной дороге» читатель, по имени Евгений (других данных не указал), написал такой комментарий: «Нынешнее писучее полководье подобно болоту, в коем тонут истинные таланты. Набор фамилий — Веллер, Быков, Кабаков и т. п. — не литературные золотники, а всего лишь медные пятаки, остервенело надраенные до блеска либеральными СМИ и столь же безнравственным ТВ. Ныне — ни одной фигуры на литературном поле, которая могла бы даже приблизительно сравниться с социальной мощью Шолохова, Бондарева, Белова, Шукшина... Взамен — сиюминутная меркантильность, вычурные авангардные выкрутасы, липкий страх взрезать социальные нарывы на теле России — это удел и прокрустово русло нынешних писак».

Лучше и не скажешь!

А такой представитель изящной словесности как Эдуард Лимонов (только не подумайте, что я начну цитировать его нецензурную брань) в конце своей статьи «Властители дум» написал: «Подведем итоги. Культура обществу более не нужна. Автор в ранге творца и указателя дороги — не нужен... Цивилизация безлична. Она производит продукты одноразового пользования. Вот таким мне представляется ответ на вопрос: почему перевелись Властители Дум». Вот уж действительно хозяин своего слова становится его заложником.

Однако по этому вопросу есть и другое мнение. Автор многочисленных романов Сергей Алексеев так ответил на вопрос «Почему писатели перестали быть «властителями дум»?»: «К счастью, русская литература вечна, как и высший образовательный инструмент — Язык. А писатели перестали быть властителями дум по одной причине — не узрели открывшегося окоема, то есть нового горизонта. И по старой, еще советской, кальке ушли в конъюнктуру: вместо производственной прозы, восхваляющей руководящую роль партии, стали писать про руководящую роль церкви... Примитивизм мышления напрочь отвратил читателя от эдаких дум писателя».

Что можно одной фразой сказать о модных на сегодняшний день писателях? Только то, что мода приходит и уходит, а манекены остаются.

Наше государство олигархического капитализма не будет активно приобщать молодежь и взрослых к чтению высокой литературы, которая формирует полноценную личность. А ведь именно читая произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тол-

стого, Достоевского, Чехова, Шолохова, Есенина, Джека Лондона и других классиков, молодые люди узнают, что есть любовь, честь, гордость и порок, предательство и великодушие. Познать все это только на своем опыте человеку практически невозможно.

К великому сожалению, люди предпочитают легкое чтиво. Впрочем, удивляться не приходится: линия наименьшего сопротивления — самая оживленная дорога.

После реставрации капитализма в России новая власть тоже захотела, «чтоб к штыку приравняли перо». И стала активно тиражировать и пропагандировать только те «перья», которые способствуют «расчеловечиванию» личности и падению нравственности в обществе.

Не хочется сбиваться на чисто публицистический стиль, но «как не впасть в отчаяние при виде того, что совершается дома». В статье Андрея Юревича и Дмитрия Ушакова «Нравственность в современной России» приводится ужасающая статистика:

— ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств или получают тяжкие телесные повреждения;

— каждый год от жестокости родителей страдают 2 млн. детей, а 50 тыс. — убегают из дома;

— ежегодно 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужьями;

— 12 % подростков употребляют наркотики;

— темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности;

— в современной России насчитывается около 40 тыс. несовершеннолетних заключенных, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-годов.

И список чудовищных цифр можно продолжить на нескольких листах.

Еще французский философ Эмиль Дюркгейм отмечал: «Нравственность — это обязательный минимум и суровая необходимость, это хлеб насущный, без которого общества не могут жить».

Сегодня наметилась такая закономерность: когда молодежь не читает произведений современных писателей, у нее нет желания углубляться в мир классиков. Уровень языковой культуры напрямую зависит от чтения художественной литературы. Мы уже не удивляемся, когда читаем и слышим языковые ляпы в СМИ. Например, на новостном интернет-портале можно было прочесть: «Медведев после изнасилования уволил главу МВД Бурятии», «Мужчина отбил жену у медведя» и т. п.

Как будет выглядеть русская литература в ближайшем будущем, сказать трудно. Мы теряемся в догадках и в более глобальных вопросах: что будет с Россией и остальным миром при «распаде» духовной составляющей человека и человечества? Эту мысль великолепно проиллюстрировал Игорь Волгин в одном из интервью: «Весь ход современной истории свидетельствует о том, что теперь не только Россия, как говорил Достоевский, но и весь мир «стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной». Если воспользоваться метафорой Семеновского плаца (где писатель подвергся процедуре «недовершенного расстрела»), можно сказать, что человечество уже как бы взойшло на эшафот, и неизвестно, будет ли оно в последний момент помиловано. Но если, к счастью, это случится, и всемирная история продолжит свой победительный бег, возникает вопрос: извлечем ли мы из нашего смертного опыта такой же урок, который усвоил себе Достоевский? Послужит ли эта милость (если она будет явлена) нашему духовному возрождению?».

Сегодня, когда человеческая глупость перешла все границы и обогнула земной шар, Судьба всем нам бросила вызов. Пессимисты утверждают: когда мир доиграет комедию, аплодировать будет некому. Но это не наш путь.

Мы ждем от мыслящих людей деятельности, направленной на поиски более оптимистического пути. И не последнюю роль в этом должны сыграть поэты, прозаики и драматурги.

Юрий Сычевский

(г. Рочестер, штат Нью-Йорк, США)

ИНТЕРВЬЮ

КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖАНР

Эссе

Родился на Волге (Самара). Окончил Куйбышевский индустриальный институт и очную аспирантуру в МХТИ им. Д. И. Менделеева. Основная специальность — кибернетик. Действительный член (академик) Европейской академии естественных наук. Русская литература — духовное увлечение. Пишет рассказы, стихи, сценки, эссе: около 100 работ. Победитель конкурса юмористических рассказов, организованный журналистами МГУ им. М. В. Ломоносова в 2012 г. Член Клуба русских писателей Нью-Йорка. Публикуется в периодической русской печати США, Канады, Дании.

Интервью, как жанр публицистики, т.е. беседа журналиста с одним или несколькими лицами по какому-либо актуальным вопросам, широко используется сейчас различными СМИ. Интервью прочно утвердилось на телевидении. В частности, на канале «Культура» — «Судьба человека» с Борисом Корчевниковым. В нем сочетаются такие особенности как: содержательность, емкость, краткость выражения, зрительность, популярность. При подходящем эстетическом оформлении оно выступает в качестве нового самостоятельного вида художественного показа. Я хочу предложить вам, уважаемые читатели, для обсуждения такую тему: «Интервью как новый самостоятельный жанр художественного выражения»*.

А может ли интервью стать вполне **самостоятельным** видом художественного повествования в **письменной литературе**? Законен вопрос: а почему обязательно самостоятельным? Ну, хотя бы потому, что интервью в его литературном значении не подходит ни под одно из определений: рассказа, очерка, новеллы, эссе и других малых форм эпической прозы.

Какие **отличительные его черты** можно отметить. Это, прежде всего, количество участвующих в нем действующих лиц — всегда больше одного. Это разговорная форма в реальном режиме времени в виде «качели» (вопрос-ответ-вопрос-ответ и т.д.) Третьей, очень важной на мой взгляд, чертой является возможность обсуждения многих актуальных, совершенно **разных** (и на первый взгляд не стыкующихся между собой) **тем в одном кратком** художественном произведении. Здесь мне хочется вспомнить Н. В. Гоголя, который в «Мертвых душах», желая «разом посмеяться» над негативными сторонами жизни в тогдашней России, прибегнул к эффективному приему, избрав объезд Чичиковым поочередно совершенно отличных друг от друга поместий. Условно можно сказать, что Чичиков провел **«рассредоточенное»** интервью с группой помещиков. Но Гоголю пришлось написать для этого целую «поэму».

В записной книжке А. П. Чехова есть такие строки: «За новыми формами в лите-

* Значение этого слова, как метода социологического исследования, здесь не рассматривается.

ратуре всегда следуют новые формы жизни». Но мы видим, что за новыми формами ЖИЗНИ следуют **новые формы ЛИТЕРАТУРЫ**.

Так может ли интервью занять достойное место в художественной литературе как обособленный **жанр малой формы** эпической прозы? Я думаю, что да, если усилить в нем **авторскую** «составляющую». В этом случае автор, как это ему и положено, будет «и швец, и жнец, и счастья кузнец». Ведь ему придется выступать и за ведущего, и за собеседников и, главное, он — автор всего спектра тем, выраженных в вопросах и ответах на них. Автор сам ставит себе **«сверхзадачу»**, чтобы созданное им произведение было «конгломератом», а не «россыпью» обсуждаемых тем. Его интервью может быть и шире, и глубже своего «прародителя», если он умело внесет в него описание факторов, вызывающих необходимость его написания, — обстановки, места и времени. Его «герои» могут быть ярче, умнее/глупее реальных. Исходя из сказанного, я предлагаю назвать результат такого творчества — **«авторским интервью»**. В авторском интервью есть большая возможность показа художественного мастерства. В качестве примера авторского интервью можно познакомиться с моей работой под названием: **«Пусть от удачи вам будет больше сдачи!»**.

Возможно ли (и существует ли?) **«художественное» интервью** в других видах искусства? Например, в **музыке**? Мне кажется, что ближе всего к нему подходит джаз, в традициях которого уже заложен разнообразный тематический диалог его участников, а ведущий, он же автор, — «и на дуде игрец!».

Ольга и Наталья Артемовы
(п. Медвенка Курской области)

ОГНИ ДАЛЕКОГО МАЯКА
Рецензия на книгу Алексея Яшина
«Страна холода»

Наши постоянные авторы, лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«...Связующими бесконечное время узелками в неясных пока самому ему размышлениях о единстве всего прошлого, нынешнего и неугадываемого человеком будущего для Николки казались маяки», — это цитата из новой книги Алексея Яшина «Страна холода». Перед нами классическая повесть о взрослении человека, стоять которой на полках рядом с произведениями об отрочестве Толстого, Аксакова, Короленко, Горького. Главный герой — маячный пацан Николка. Он родился в Заполярье и до двенадцати лет жил с родителями на отдаленных островах. Действие книги начинается в судьбоносный для героя момент: семья решает перебраться с острова Большой Олений в город Полярный. Николке — без месяца двенадцать лет. Но перед нами уже сложившийся, думающий человек, натура сложная, многогранная. В столь юном возрасте мальчик, выросший на островах, самостоятельно принимает жизненно важное решение: не поступать в Нахимовское училище (отправиться туда ненавязчиво предлагают ему родители). Паренек руководствуется не свойственными для его возраста «хочу — не хочу». Отнюдь! Он анализирует свой характер, копию отцовского: нетерпимость к проявлению стороннего командования, особенно такого, когда требуется «явная дурь». Да и в душе отрока уже властно заговорило истинное призвание. Николка решил посвятить себя радиodelу. Автор приоткрывает завесу в будущее, и мы видим, что мальчик не ошибся, когда по-флотски объявил родным: «Следую своим особым курсом». Возникает вопрос: как сформировался этот сильный уникальный характер? И автор делает шаг назад — возвращает нас и Николку к тому моменту, когда семья его переехала с острова Седловатый на Большой Олений.

Как прошел там первый день девятилетнего мальчика? Солнечным лучом прорезает повествование короткая фраза: «Дыханье перехватывало от счастья...» И этим сказано все. Сурова природа заполярных мест: «землей-то трудно ее назвать: гранитные, двухметровой высоты обрывы берегов», «на три стороны только камень, камень», полугодовая полярная ночь... Но цветет «неугасимое лето», что-то нашептывает блестящее синее море, «вспыхивает и стреляет» северное сияние... В стране холода всегда тепло, ибо согрета она сыновней любовью людей, на ней живущих. «Тяжело заработанное тепло дома, а в мечтаньях о нем — еще теплее». Николка «с началом школьного возраста девять месяцев в году пребывал в Полярном, в интернате при школе». Он хорошо, вдумчиво учится, но его душа тянется туда, к скалистым берегам, где загораются маяки.

Просто и задушевно пишет автор о семейном укладе в доме Николки. Мы не видим здесь показной нежности, обилия каких-то особенных ласковых слов ни между самими родителями, ни между родителями и детьми. Но одной-двумя фразами автор

дает нам понять, что все здесь самой высокой пробы, и замес семейных отношений сделан не на чем ином, как на уважении, доверии и любви.

Мать с отцом — первые и главные учителя мальчика. «Учился Николка у родителей мудрости и содержанию жизни человеческой». На первый взгляд кажется, что все мысли матери только о семье: она-то немалая! Трое сыновей у них с Андреем, да еще двух привезла на Север из сгоревшей архангельской деревни — они от первого мужа, погибшего на фронте. Скользь автор замечает, что в войну мать Николки возглавляла бригаду трактористов. Нет. Совсем не проста эта простая женщина. Метки, цветисты присказки и замечания архангельской поморки: «где — пить, где — есть»; «поле-то глазасто, а лес ушаст»; «от слова девка брусвянеет, а парень разума набирает»... Они пустили корни в душе Николки, обещая превратить ее в благоуханное словесное разнотравье. Уже в девятилетнем возрасте мальчуган к любой мудреной ситуации находит ядреную фразу, с приметочкой: «как говорит мать». Она ведет сына хорошей дорогой, и поводь их — доброе, честное ее сердце.

Но, бесспорно, главную роль в воспитании мальчика играет отец. Это личность неординарная. Он из семьи староверов. И не оттуда ли идет упрямство его характера, принципиальность? Андреев — кадровый моряк. Участник двух войн — Финской и Отечественной, имеет награды. На флоте был он сигнальщиком. В мирной жизни Андреев — электрик. Раз пришлось ему «морзянить прожектором» о заболевшем на маяке, призывая срочную помощь. Эта работа отца видится нам символической. «Все в человеке идет от детства», — философствовал Андреев. В бурном океане жизни он зажигает для сына «маяки». В «разговорные часы» делился с мальчуганом выстраданной мудростью. Щедро рассыпаны в книге отцовские откровения (как тут ни вспомнить «Поучения Владимира Мономаха детям своим?»), так необходимые взрослеющей душе. Думается, не утратили они актуальность и для сегодняшних мальчиков, близоруко щурящихся над экранами смартфонов и ноутбуков. «...На учебе налегай, но в азарт не входи, а подкрепляй для усвоения собственным соображением», — вдумчиво произносит мужчина, чем-то напоминающий сыну Дмитрия Донского с картины «Утро на Куликовом поле». А разве утратило остроту звучания такое отцовское поучение: «Ты радио-то слушай, а все на веру не принимай. Соображение, значит, развивай»? Потому «сильно уважающий историю» Николка порой сомневался в полной правоте учительницы. Вот, например, критически слушал ее выкладки о неготовности страны к Великой Отечественной войне. «Если бы были не готовы — не выиграли бы», — размышляет Андреев, а за ним по обрывистой тропе анализа следует сын. Для него отцовский авторитет выше учительского. Еще бы! От своего домашнего героя пацан получает не только теорию, но и те познания, что приобрел Андреев под вражеским жестоким огнем. К примеру, какие сопки выбирают для зенитных батарей.

Но более всего, замечает Николка, отец воспитывал его собственным примером. Андреев ни разу не выходит из себя. В самые страшные минуты жизни (когда ищет детей в пургу, сообщает военным о торпедоносце, пытается разобраться в сути чужаков с ружьями, забредшими на остров) он лишь бледнеет и становится молчаливее, чем-то напоминая окружающие надежные скалы. И даже свое призвание, свое место в прославленном ракетно-пушечном НПО «Меткость», Николай Андреевич нашел именно благодаря отцу. Когда мальчуган размышлял о неодолимой властной силе, потянувшей его к радиodelу, перед его мысленным взором вставала обычная картина маячной жизни: «отец что-либо лудил паяльником»...

Медленно текут волны Баренцева моря, неторопко идет жизнь маячного мальчика. Все новые мощные прожекторы льют на его путь призывный свет. Вглядимся внимательнее в лица и других «сигнальщиков». Среди них «богатырь духа» бывший энквэдэшник дядя Лазарь. Повидал он на своем веку, что называется, «и за троих, и за того парня». Познал и почет, и суровую кару по законам военного времени за на-

рушение дисциплины из желания помочь бедствующим. Побывал Лазарь Федорович в лагерях, но не озлобился, не утратил ясного взгляда на жизнь. Не собственные душевные раны — предмет его разговоров. Лазаря Федоровича тревожит, что люди «расслабились душой». Именно после откровенной беседы с дядей увидел Николка провидческий сон, о котором утром забыл, но вспомнил его много-много лет спустя в «лихие девяностые». Навсегда ушла в глубину подводная лодка, покрылись ржавчиной торговые суда, и бывший флотский сигнальщик Андреян понял суть происходящего: «Приказано сдать эсминец на утиль. Погибаем, но не сдаемся!» Воистину маяки — «узелки», связующие прошлое, настоящее и будущее. Николка со слезами смотрел, «как медленно тонет корабль с открытыми кингстонами»...

Да и как не плакать? «Вся жизнь Николки проходила в сугубых владениях Северного флота». С малых лет понимал он, что «только сильная армия и флот позволяют стране семимильными шагами идти вперед». Третьеклассник Николка наблюдал встречу «Ермака» «с только что спущенным на воду и прибывшим в Мурманск на свою долголетнюю службу первым в мире атомным ледоколом «Ленин». В заливе круглосуточно теснятся корабли и суда. На Четвертой точке базируются атомные подлодки, только-только появившиеся в Советском Союзе и в Америке. На каждой губе — военно-морская база, «жизнь кипит не хуже, чем на Большой земле». Много чего видел величественного на островах пыливый мальчуган. Жадно слушал рассказы старожиллов о папанинцах. Навсегда породнился он с этой суровой землей, на которой вырос крепким телом и духом. И ставшие историей папанинцы, и простые труженики маяков, и матросы, осваивающие технику нового века, для Николки тоже «сигнальщики».

В детстве «хотел он связать во что-то единое прошедшее, нынешнее и неведомое будущее». Потому настойчиво ищет разгадку тайны, кто первым ступил на скалистый берег Большого Оленьего, и ответ находит в финале повести, нащупав, наконец, с помощью старой учительницы заветный «узелок». Потому и обращает жадный свой взор к неиссякаемому богатству мировой литературы. В библиотеке Николку знают как «самого постоянного и аккуратного читателя». Литературные пристрастия мальчика делают ему честь. Он читает Гюго, Диккенса, Лондона, Лескова, Лациса, популярные научные книжки и краеведческие брошюры. Даже принимается изучать латынь. Старший брат Толька рассказывает ему поэтичные истории, которые сам слышал от последнего лопарского сказителя Трофима Лоушкина. Есть что-то символическое в том, что на Полярном семья поселяется в здании бывшей райбиблиотеки.

А еще пацана на всю жизнь одаривает впечатлениями неповторимая жизнь Крайнего Севера, где на каждом шагу — уйма забав. Сызмальства он умеет стрелять, рыбачить, управлять лодкой. А походы за ягодами? А сортировка «посылок», принесенных штормовым морем?.. «Получается, не такая и бедная событиями жизнь, если человек научился отмечать обычные ее явления даже среди серых гранитных обрывов, ледяного и кипящего холодом моря, раздражающего душу крика чаек»,— делает важный вывод маячный мальчик.

Закончив школу, Николай навсегда уедет из родных мест на Большую землю, в Тулу. В своей душе парень увезет огни далекого маяка. Они будут светить ему, прорезая мрак невзгод, в «торгово-воровские времена с девизом «купи — продай»... И не задуть его, не погасить ни-ког-да и ни-ко-му. Так повелось в русской литературе. Не вянет аксаковский аленький цветочек, и «никогда не потухающее солнце» Константина Воробьева освещает родные его курские просторы, и, будто свечи, горят лики предков наших в полутьме памяти... «...здесь была настоящая икона: прямо от берега их острова, что в двух десятках шагов от маяка, уходила вдаль и чуть поднималась вверх доска этой самой иконы... Дух захватило у Николки от этой, рукой Верховного мастера написанной величественной и суровой иконы». И у читателя замирает сердце при чтении «Страны холода», и долго звучат в ушах удары волн о скалистый берег, а

перед мысленным взором льется свет далекого маяка. Он не погас. И не погаснет. Такие, как Алексей Яшин, не дадут разрушить его.

Бывает, прочитаешь писания иного автора, и только головой покачаешь: «Во строчит фальшивомонетчик!» Потому как подлинности, искренности повествования — грош цена. Иное дело книга Яшина. Здесь каждая строчка бесценна для автора и читателя. У музыки Алексея Яшина «лица необщее выраженье». Это не попрыгунья-стрекоза, щебечущая для забавы публики, коих много нынче скачет на просторах новейшей литературы. Яшин приглашает читателя к серьезному разговору, затрагивает в его сердце струны Гражданина. В повести щедро рассыпаны самородки народной мудрости. И льют в душу вечный свет библейские откровения. Заставляют задуматься изречения философов и признанных мастеров слова. Но не менее интересны, ценны личные наблюдения автора, которые посылает он нам через своих героев. Вот такое, например: «Всякое знание требует путеводителя». И долго сидишь, замерев, над строками: «...в каждом из непрерывной цепи живущих воскресает память отцов, она и воспитывает этого каждого опытом жизни и устремлением к дисциплинированному знанию». И мы уже делаем шаг в сторону, из страны холода — в Соловьиный край, где проживали деды наши, которых мы не видели никогда, но короткой жизнью своей и мученической смертью оставившие нам самые важные заветы...

Ценна книга Алексея Яшина и тем, что он открывает нам красоты Заполярья, воспевает «суровую, но славную жизнь» северян. Согретая душою автора страна холода не может ни привлечь пристальный взгляд читателя. Поэты, писатели — первооткрыватели по сути своей. Ведь и Рязанщину полюбили мы благодаря Есенину, и Ясная Поляна светла для нас именем — Лев Толстой...

Несмотря на серьезность тем, поднятых в повествовании, читается оно легко, с интересом. Его отличает своеобразный юмор, умение героев пошутить и над собой, и над окружающими.

Поражает лексическое богатство повести Яшина. Автор не перегружает ее обилием северных слов. Он вводит их умело, по необходимости: стряпейка (кухарка), обрядить баню (затопить и вытопить), не ходить росомашой (нараспашку), грабилка (то, чем собирают чернику), Студеное море (Баренцево). Но метко поставленные на свои места, они врастают в плоть книги, создают тот неповторимый колорит страны холода, который нам, непосвященным, помогает совершить в нее увлекательное путешествие. Этому же служат и флотские команды.

С чужих слов так не напишешь. Понимаешь, что рассказчик в стране холода чувствует себя не гостем, а, образно говоря, как рыба в волнах Баренцева моря. И неудивительно! Из примечания следует: «настоящее повествование в части фактологии сюжета и характеристики главных персонажей в определенной степени автобиографично». Алексей Афанасьевич Яшин родился в Заполярье. Он Почетный радист России, у него много высоких званий и престижных наград. А. А. Яшин закончил Литинститут имени А. М. Горького, живет в Туле. Является главным редактором ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Издание это подлинно патриотического направления. В наши непростые времена оно, как маяк, светит для всех, кому безразлична судьба Отечества.

Главный герой повести Николка получил в школе прозвище Бдительный. Втайне мальчик гордился им: оно звучало как название эсминца. Крепкой рукой ведет корабль «Приокские зори» его капитан Бдительный. Эсmineц не налетит на скалы, не потонет в море чернухи. Ведь его путь освещают надежные далекие маяки. Теперь они горят и для всех нас.

Людмила Воробьева
(г. Минск, Белоруссия)

**СЕВЕРОМОРСКИЕ ИСТОРИИ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА,
ИЛИ ПОЛЯРНАЯ КОЛЫБЕЛЬ АРКТИЧЕСКОГО
ДЕТСТВА**

О ПОВЕСТИ А. А. ЯШИНА «СТРАНА ХОЛОДА»
В ДВУХ КНИГАХ*

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

*От этих строчек никуда не деться —
Мне даже в самой дальней из сторон
Приносит их из северного детства
В любой конец планеты аквилон.*

Владимир Федоров

Вероятно, прочтя заглавие повести Алексея Яшина «Детство в Гипербореях» — первой книги его дилогии «Страна холода», — читатель будет заинтригован таинственной связью скрытых смыслов. Слово из небытия памяти всплывает миф о когда-то существовавшей на Кольском полуострове древней цивилизации гипербореев. Абсолютно логично складывается все и в описании автора: это — волшебная страна на далеком Севере, Земной рай его детства, где живут подобные гиперборейцам сильные и одаренные люди. Именно они своим героическим трудом открывают новую страницу в истории освоения Крайнего Севера и приумножают мощь и величие советской Державы.

Предваряя повесть «Детство в Гипербореях», известный критик Леонид Ханбиков в предисловии к ней точно заметит, что прочитав не одну книгу Алексея Яшина, становится ясно: мурманская тема Заполярья и Северного флота — сквозная тема в его творчестве, постоянно напоминающая о себе, о чем бы он ни писал, касаясь старины глубокой или нашей нынешней современности. Справедливости ради отмечу, что мне довелось убедиться в этом неоднократно. Алексей Афанасьевич Яшин идет своим собственным путем, подчас петлистым, не всегда простым, но так или иначе обязательно приводит нас в свою «Страну холода», на свою «малую родину», в свое детство, наполненное североморским колоритом первозданного полярного края.

Не секрет, что нет человека без родины, без страны детства, даже если оно прошло в столь необычной точке нашей Земли, у самой кромки Северного полюса, начиная свой разбег с островков Палагубного, места, где родился Алексей Яшин, затем Седловатого, где он провел младенческие годы, и ведя его дальше, на остров Большой Олений и город Полярный, — таков географический маршрут детства и отрочества на карте жизни писателя. Вот вам и «маячный пацан», познавший с детства мир маяков, полярные дни и ночи суровой морской жизни Кольского полуострова! Два

* Страна холода: Детство в Гипербореях. — Москва: «Московский Парнас», 2009. Страна холода (2): Под опекой Арктогеи. — Москва: «Новые Витражи», 2021. (в электронной форме обе книги см. на сайте www.pz.tula.ru)

разных, контрастных мира предстают в реальности, что воочию отражает и физическая карта — Крайний Север и вся остальная Большая земля. Даже обладая богатой фантазией, не побывав в этой стране вечных снегов и ветров, многое не постичь. Воистину — легендарная Гиперборея!

К тому же вызывает восхищение и сама личность писателя: ученый-биофизик с мировым именем, доктор технических наук, профессор, академик, главный редактор литературно-художественного и публицистического ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори», лауреат международных и всероссийских премий, человек уникальных и разносторонних познаний, недаром его называют «тульским энциклопедистом», который никогда не перестает удивлять нас, не перестает быть оригинальным. Основательный и эпохальный жанр классического повествования — явление крайне редкое в сегодняшнем литературном мире. Алексей Афанасьевич, вне всякого сомнения, — непревзойденный мастер-профессионал современного отечественного бытописания. Каждое его произведение, будь то рассказ или повесть, при желании вполне может перерасти в хороший и основательный роман. Что примечательно: несмотря на все свои весомые регалии и звания, он закончил еще и Литературный институт имени А. М. Горького. Сама собой возникает параллель с его книгой «Житие наше оцифрованное», приуроченной к 85-летию создания Союза писателей СССР. Пожалуй, Алексей Яшин оказался единственным писателем на всем постсоветском литературном пространстве, кто так всесторонне и обстоятельно раскрыл историю этого эпохального события в своем нынче не имеющем аналогов, редком и весьма любопытнейшем издании.

Однако вернемся к нашей повести. Хочется отметить самобытную русскую традицию автора, которая прослеживается в его классическом стиле и сугубо индивидуальной манере подачи материала, манере его художественного письма, обогащенной щедрой народной речью. Русская национальная почва, составляющая основу творчества писателя, также является прочной основой бытия и для героев его произведений. Североморская биография Алексея Яшина, которая так пронзительно высветилась в его книге «Страна холода», имеет самое прямое отношение к описанным им событиям и персонажам. Нет, не океан ностальгии по давно ушедшему детству изливает он на страницах своей повести, но, прежде всего, автор обращается к исторической памяти, генетически неразрывной с памятью кровной, родовой. Заслуживает уважения и тот факт, что становление его героя показано на фоне становления и укрепления индустриальной мощи великой страны. Впечатляет и ярко выраженный краеведческий подход писателя, который обращается к истории освоения Севера первыми русскими землепроходцами, крепившими силу и величие Российской империи. Если в своих предыдущих изданиях Алексей Яшин возрождает старую добрую русскую традицию литературно-художественного лубка, то в этой дилогии он тоже по-своему неповторим и уникален: самобытность его тексту придают рисунки художника-этнографа XIX века Н. Н. Каразина, позаимствованные им из книги русского писателя Василия Немировича-Данченко «Страна холода» (1877), брата известного драматурга Владимира Немировича-Данченко. История знакомства с точно такой же книгой, оформленной иллюстрациями Каразина, случилась с автором еще в Заполярье, когда он, шестилетний малец, разглядывал картинки у соседа-маячника Матронины. Следовательно, в жизни не бывает случайного: рисунки тех мест, где прошло детство и отрочество Алексея Яшина, получили свое второе дыхание на страницах уже его собственной книги-дилогии «Страна холода». Что ни говори, а мурманское происхождение еще не раз скажется в его произведениях, не раз позовет читателя в морские северные дали, туда, где когда-то жили мужественные и открытые гиперборей.

Н. Лесков, желая выделить творческую личность на фоне обыденной, примелькавшейся повседневности, дал следующее исчерпывающее определение: «Человек с идеями, — словом, художник». Стоит отметить, что проза Алексея Яшина, которой

он постоянно стремится придать интеллектуально-художественную литературную форму, располагает к вдумчивому, умному чтению и не позволяет его книгам бесследно затеряться в современном потоке массовой культуры. На примере его новой повести мы в очередной раз убеждаемся в том, что перед нами большой мастер диалогий и тетралогий, их многочисленных и взаимосвязанных между собой циклообразующих элементов, проявляющихся в развитии общего сюжета, в бесконечной трансформации единых, неизменных образов. В эпоху стремительного развития компьютерных технологий подобный жанр ходит в прошлое. Время с момента выхода первой повести «Детство в Гипербореях» (2009) и до появления второй «Под опекой Арктогеи» (2021) заняло у автора ровно 12 лет, как видим, — долгая дорога в детство длиной в жизнь. Однако пришло время сказать и о главном герое книги: Николае Андреевиче, литературном alter ego автора, его «другом я», отпуск которого, как он говорит, давно затянулся на Большой земле. Вот уже 40 лет он живет в среднерусском городе и, проработав на оборонку в НПО «Меткость» ни много ни мало, а тоже 40 лет, продолжает трудиться доцентом Тулуповского госуниверситета. Николка, достопамятный Николай Андреевич и сам автор — одно лицо. Своего рода, некое былинное триединство, хорошо знакомое нам по русским сказкам.

Неудивительно: повесть вобрала в себя реальные картинки детства, связанные с «малой родиной» писателя. Вселенная зарождается с детства, открывая каждому из нас художественное, поэтическое восприятие мира. Но самые сильные чувства, в чем откровенно признается автор, вызывает в человеке именно его «малая родина», откуда художник получает свой золотой запас и постоянно черпает вдохновение. Память с годами дает о себе знать и возвращает нас к родным берегам. Все замыкается на круги своя. С берегов Кольского полуострова, омываемого водами Баренцева и Белого морей, что за Северным полярным кругом, и начинает Алексей Яшин свое повествование, которое подобно течению природных вод идет через созерцание бытия, мира и человека, времени и национальной истории, включающей в себя целостный духовно-нравственный путь народа.

Бытует старое и проверенное мнение, что все мы родом из нашего детства. Хотя стать избранниками своего детства дано не каждому. Тут необходимо редкое умение — особый талант о нем рассказать. Но эти книги не так просто написать. Внутренний мир ребенка невероятно сложен, многообразен. Конечно же, живы образцы русской классики, где тема детства была сквозной темой всей русской литературы. Прообразом своих героев там всегда выступали сами авторы: автобиографические повести С. Аксакова, Л. Толстого, Н. Гарина-Михайловского, К. Чуковского, А. Гайдара. В данном случае предмет исследования Алексея Яшина — тоже детство — святая пора познания и открытий, а вместе с тем пора проб и ошибок, пора приобретения первого жизненного опыта. Воспоминания о детстве — ценность, которую мы носим с собой ежедневно. Ведь только в детстве человек ощущает себя настоящим творцом Вселенной! Куда же все это исчезает с годами? — кто знает.

Алексей Яшин показывает читателю типичные траектории взросления своего героя, малолетние движения его робкой и одновременно бесстрашной в своей жажде познаний души, в перспективе, возможно, повлиявшие на всю его дальнейшую жизнь. Можно прочертить следующую параллель, которая прослеживается в повести, — самоанализ как основа бытия Николки и как основа всего повествования. Мы имеем дело с достаточно глубокой философией детства, осмыслением мира и себя в нем как единой частицы целого. Автор глазами невероятно быстро взрослеющего Николки, постигающего «новостройки очередной пятилетки», пытается передать нам исторический опыт жизни народа, его трудовых буден, хочет показать достижения советской науки, являющейся ничем незаменимым созидательным ресурсом. Заполнярье в 50-60-е годы двадцатого столетия — энергичный и стремительно развивающийся край. Николка подрастает, жадно впитывает знания, и окружающая жизнь на-

бирает обороты, и многое он уже узнает из областных телевизионных новостей: «об успехах сразу двух рыболовных флотов — Тралового и Сельдяного, добыче апатитово-нефелиновых руд, производстве никеля, меди и железно-рудовых окатышей для Череповецкого металлургического завода «Северная Магнитка», о строительстве новых гидроэлектростанций, счет которых уже подходил если не к десятку, то близко, и изысканиях под будущие Кольскую атомную и первую в мире Кислогубскую приливно-отливную электростанции. Всего не счесть. Именно этим мировоззрением общего коллективного труда наполняется его детство и отрочество, которое оказало свое влияние и на судьбу уже зрелого героя, Николая Андреяновича, избравшего стезю научной деятельности. Очевидно главное: важна память не только детства, а память, вбирающая в себя исторический и жизненный опыт поколений.

Необъятный остров Седловатый:

*Здесь минус полсотни неделями
Привычно и яростно жмет:
Мой рай, замеченный метелями,
В особом режиме живет.*

Владимир Федоров

Не задаться целью поведать читателю хотя бы отдельные моменты из жизни Николки на острове Седловатом, — значит равным счетом ничего не рассказать и о самой повести «Детство в Гипербореях». Жизнь шестилетнего Николки на полярном островке Седловатом, где его родители несли маячную флотскую службу, переезжая с одного маяка на другой, как ни странно, была полна чудес и всевозможных происшествий. Казалось бы, небольшой островок в Кольском заливе, а для Николки и его друзей — целый огромный мир!

Время всегда выбирает лучшее, отсеивая все несущественное и оставляя в памяти лишь самое значительное, приметное. Автор ведет свое описание, словно находясь в кругу русских художников, ни на шаг не отступая от отечественной традиции. Его также волнуют категории осмысления времени, поэтому и к Николке приходят мечты и сны, наполненные природой, удивительными вещами и предметами быта, а еще поражает детская память, цепкий, пытливый ум ребенка и совсем нетипичный, по-взрослому философский взгляд на окружающий мир. Алексей Яшин — мастер бытовых загадок, мудрый, отчасти ироничный. Увлекательный сюжет, никогда не скучный, сочный язык, умный юмор, анекдотические ситуации, подчас вызывающие легкое изумление, — все это, разумеется, делает его тексты невероятно привлекательными.

Наш маленький герой живет в необъятных владениях Севера: ледяные ветра, морские шторма, приливы и отливы, тюлени, касатки, киты, непроницаемые молочные туманы, северное сияние, полуголые сопки, летний двухмесячный полярный день здесь сменяется зимним, когда длится одна бесконечная ночь без заката и рассвета. Суровый и одновременно красивый край! И люди сюда ехали не только за «длинным рублем». Что-то еще держало их и не отпускало, может быть, романтика этих неизведанных мест. Особая статья — маяки Кольского побережья и маячные дома, где несут свою вахту-службу опытные мореманы, потому как и сама территория острова — военно-морская. Громадина маяка-сирены, будто магнитом, тянула к себе мальчуганов. Скучная, лишь на первый взгляд, размеренная заполярная жизнь оживлялась появлением торговых судов, рыболовецких сейнеров, крейсеров и торпедных катеров, не считая подводных лодок и военных кораблей.

«Дел-то сколько надо переделать?» — не то вопрошает, не то восклицает Николка и спешит выбраться из дома. Ох, только кружит спросонья голову «могучий дух

скороспелых шанег со свежей засахаренной морошкой», вкуснейшая ячница из порошка, да на сале, какао на сухом молоке со сгущенкой. Вот испробует он все и поскорее отправится в путь. Наш Николка «по возрасту — вождь малышни». Ясно как Божий день, никому не дождаться его возвращения до самой полуночи! «Остров-то такой великий...» — сетует он.

Не нами сказано, что беспределен только один мир: детство. И не поверите, какое же множество необыкновенных приключений ожидает его: и бот с коровой, которую вот-вот должны доставить на остров, только бы успеть, не пропустить необычное приключение, и долгожданная баржа с пайковым продовольствием, и рыбалка, и тонкости отливки свинцовой дроби, в которые парнишку посвящает отец, и боевые каскеты, без этого в их мужской, мальчишеской, жизни никак, и новенькие книжки с картинками, что стоят и дожидаются своего часа на этажерке, а еще самая любимая книжка, та, что у маячника Матронины, с картинками и дивными сказками о старых тундровых оленеводах-лопарях. Где еще увидишь такое?!

Ни один русский писатель не мыслит себя вне связи с природой, не представляет себя без наблюдения за ее временами года, без сладостного хождения и странствия на природе, ведь всякая человеческая любовь, несомненно, закладывается у нас в детстве. Золотой век детства, свои полярные путешествия и у Алексея Яшина, свое состояние гармонии и единения с природой. Трехлетняя детвора могла отличить и норд-норд, и зюйд-ост, так по-флотски называют ветра. Каким образом? — известно только островным жителям. Нравственное взросление человека не может быть вне связи с природой. Тайны Меловой бухты, хранящие отпечатки диковинных древних обитателей Баренцева моря, неожиданно раскрываются Николке, и манят его секреты Торфяного озера, и будоражат его воображение морские ежи, звезды и крабы. Разве можно все охватить, пусть и за такой вечный, нескончаемый день, какой бывает лишь в детстве?! Вот как красочно, в лучших традициях русской классики Алексей Яшин описывает один день из жизни своего маленького героя: «Однако Николка засиделся у Гусаровых, а может просто за делами-заботами и не заметил, как день уже давно перевалил за свою середину и близится к вечеру: солнце, что летним утром, провисев короткую светлую ночь над горизонтом Баренцева моря, где-то прямо над Северным полюсом, отрывалось от водной глади и подскакивало, как виделось с Седловатого, над Кильдиным, затем до полудня, до высшей своей точки в небе, обходило остров по дуге на юг и замирало уже над невидимым отсюда Мурманском, а затем также по дуге огибало Седловатый уже с запада и снова снижалось до уровня Баренцева моря слева, за полуостровом Рыбачьим». Почувствуйте, каков стиль и каков авторский язык!

«Замечено, что впечатления, какие мы получаем в детстве, бывают всегда чрезвычайно сильны, живы и долговечны, оставляя в душе неизгладимые следы на всю последующую жизнь», — проникновенно писал Н. Добролюбов. Вещи и предметы могут порой рассказать о человеке гораздо больше, чем он сам. Николку тоже окружает мир разных любопытных вещей: уютная этажерка с книгами, зуммер телефона, необходимый маячникам, часы с двадцатичетырехчасовым корабельным циферблатом. Да и свои маленькие секреты есть у него — тайный клад, где хранит он свои невиданные богатства, массу всевозможных предметов: и патроны, и гильзы, и даже медные и серебряные монеты, уйму дорогих ему мелочей, о чем никогда и не догадаешься.

Кроме того, автор целенаправленно обращает наше внимание на философскую, интуитивную логику познания героя, на присущую ему с детства дедукцию. Николка идет собственным логическим путем и доходит до сути вещей сам, без посторонней помощи. По-флотски это звучит так: «Следую своим особым курсом». Если мать слегка тревожилась, что Николка не похож из-за своей задумчивости на других детей — «мечтательный, не от мира сего», то отец наоборот — относился с понимани-

ем: «Это хорошо, хотя другие будут замечать: «тугодум, мол, парень. На самом же деле значит — до всего сам с малых лет доискивается. Значит, толк из него выйдет!». И вовсе не забавы ради сидит Николка до полуночи на мысу между бухтами и непрерывно смотрит на прибывающую воду — размышляет, ведь сколько всего, пока еще ему непонятного, происходит в человеческой жизни. Как похожа она на эти нескончаемые приливы и отливы! Каким-то удивительным образом писатель соединяет в своей повести хроникально-бытовое время с условным. Мотив сна переплетается с реальностью, и сновидения неотступно следуют за нашим героем. А здесь на Севере — они особенные. Поди отличи, например, ночной сон от дневной яви, когда за окном утро без рассвета. Сон — небывалое сочетание бывалых впечатлений. Радостен, сладок для наивного пятилетнего человечка его занимательный сон-утеха! Кажется, не заканчиваются мальчишеские сны, но они помогают и нечто такое отгадать, может, то, что происходит в действительности, ибо чистая детская душа живет в большей степени иррациональным в отличие от души взрослой.

В русле нашей темы детства в дилогии Алексея Яшина «Страна холода» параллельно рассматривается и тема семьи. Во многих произведениях русской литературы XIX века затрагивалась эта тема, и везде семья представлялась в различных обликах, являя нам свой тип и свою традицию. Алексей Яшин как писатель глубокой социальнo-отечественной культурной памяти немало внимания во всех своих книгах уделяет семье, ее решающей и немаловажной роли в становлении человека. Отцовская и материнская линии крепко переплелись в его судьбе: с одной стороны — отец, который был родом из калужских крестьян, выходец из калужских старообрядцев-половцев, моряк-североморец, с другой — архангельская мать с примесью шотландских кровей. Мать родилась в большом монастырском селе Великий Халуи Архангельской губернии — Северный край между Онегой и Северной Двиной. Эти места и связанные с ними революционные события он подробно опишет в своей повести «Коммуна комиссара Гоши». Говоря о матери, автор непременно упоминает ее архангельский неповторимый говор, обладающий своим особым, непередаваемым наречием.

«Так Толька-то с середины ночи ушел на Меловую бухту к утреннему отливу с острогой камбалу ловить. Вчерась-то много я теста сготовила, вот и шаньги испекла, и еще осталось, а отец велел к вечеру, как с маяка придет, рыбак с камбалой запечь. Вот Толька и отправился; должен уже скоро и заявиться», — невозможно удержаться, дабы не привести хотя бы небольшую выдержку из повести, в которой писатель передает образный разговор матери, согревающей их дом своим теплом, своей заботой, любовью, лаской к детям и налаживающей уютный быт в тех северных, подчас напряженных, жестких условиях. Мы по крупице впитываем самобытный литературный язык писателя, при этом испытывая истинное наслаждение от его тонкого знания великорусского слова, обладающего неповторимым речевым своеобразием. Истоки этого языкового богатства Алексей Яшин черпает в творчестве любимых русских художников слова: Лескова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Писемского, Гончарова, Гоголя, Герцена, Толстого, и, конечно же, Достоевского. Вообще, если говорить откровенно, что видно даже невооруженным глазом, — сами названия глав у автора неординарны и харизматичны. Он часто прибегает к пословицам, поговоркам, сказкам, прибауткам, крылатым литературным выражениям, афоризмам русских писателей, оригинально вписывая их в контекст нашей современности. Алексей Яшин наделяет своих персонажей красочным народным языком, природным юмором, которым свойственны и языковые курьезы, и остроумные характерные выражения. Примеры? Сколько душе угодно! Так, его глава «Старшие братья: одна мать и два отца» — это вовсе не сказочное, мифическое заглавие, а самая что ни на есть сущая правда, живая и доподлинная история его семьи, в которой было пять братьев. Его отец прошел две войны: Финскую и Отечественную. С детства Николка усвоил один характерный для всех фронтовиков момент — то военное поколение никогда не лю-

било рассказывать о войне. Так или иначе, а Николке приходится в чем-то постигать и хитрованство, и, если порой ему не удастся разрешить «чужую доuku — злую муку», он хитроумно откладывает ее до лучших времен, когда подрастет. Пусть пока неведом ему Екклезиаст, сказавший о том, что всему есть свое время, но мальчуган рано или поздно до всего дойдет собственным умом.

Поистине знаменательным событием для Николки и для всей большой семьи была поездка в отпуск — «поездка за три моря», как любил называть ее отец, на манер путешествия купца Афанасия Никитина. Он много и страстно читал, причем не раз удивлял Николку, наряду со своими литературными, еще и философскими познаниями. Их отпуск проходил на Большой земле, в калужской деревне отца Дворцы, куда глава семьи приезжал настоящим шеголем, предпочитая блеснуть добротной, красивой одеждой. Баренцево море с его холодными штормами сменялось для мальчишки живописной и по-летнему ласковой рекой Угра.

Отчетливо звучит у Алексея Яшина и эмоционально сильный мотив свободы детства, разумной самостоятельности героя в своих поступках, в своих первых жизненных решениях. Будет прав отец, придерживающийся собственного мнения, коим охотно поделился и с сыном, когда высказывал ему мысль о непреложной пользе детства в суровых условиях, вырабатывающих в человеке стержень характера: «Где родился, там и пригодился». Осталась в цепкой детской памяти эта мудрая народная пословица, не теряющая своей актуальности. Спустя много лет в своей повести «Детство в Гипербореях» он так и назовет ее завершающую главу. Интересная жизнь, наполненная смыслами созидания, окрыленная большими человеческими устремлениями и целями, запечатлелась в его памяти навсегда: Седловатый, Полярный, Североморск — вечные маяки надежды и света.

Но можно ли вернуться в свое детство? Автор на сей счет не питает особых иллюзий. Вы заинтригованы? Тогда вновь начнем издалека, вспомнив и о Богине Северного полюса — Арктогее.

Остров Большой Олений:

Если надо, сочиню я лето,

Нарифмую золота и сини...

А пока под парусом рассвета

Пусть звенит студеная Россия.

Владимир Федоров

В продолжение повести «Детство в Гипербореях» написана Алексеем Яшиным и его повесть «Под опекой Арктогеи» — вторая книга «Страна холода(2)». После «беспамятных лет младенчества» для Николки наступили иные времена — события на «чужбине»: школа в Полярном, колыбели Северного флота, учеба-воспитание в полярнинском интернате. В жизни героя начинается период, знаменующий его отроческое взросление на острове Большой Олений. Как говорится, «лиха беда, начало...».

1958 год — Новый год и новая жизнь для всей семьи: новогодняя елка из Мурманска, сполохи северного сияния и «звон хрустальных колокольчиков». Северная Богиня Арктогея — Богиня рассвета — среди первозданной красоты Заполярья придаст их бытию более светлые краски, более острые впечатления. Центральная идея повести — становление человека — живые доказательства строительства эпохи, зарождения новых городов, электростанций, заводов, комбинатов. Энергичный труд человеческого созидания — как метафора старины и нови — приветственные гудки трудяги «Ермака» и первого в мире атомного ледокола «Ленин». «Главное — рос Николка в то прекрасное время, когда холод физический, атмосферный многократно

перевешивался теплом добрых, хотя внешне и грубоватых, людей советской, русской Гипербореи», — вдохновенно напишет автор.

Выразительно, до боли сокровенно передано в книге чувство Родины, большой и малой. А может ли она быть малой?! «Море, неугасаемое лето, сопки и извивающиеся вокруг них вытянутые узкие заливчики и проливы. Как передать словами заложенное веками и возрождающееся в каждом детстве поколения чувство неотделимости от твоего мира, твоего моря и проливов среди брусничных сопок? — Это развернутое время втянуло в воспоминания уже Николая Андреяновича... Славянская равнинная кровь отца разбавлена материной — поморской, новгородского смешения прибрежных племен: от угорцев до варяжского племени русь. Темна история каждого рода. Не потому ли детские впечатления есть осязания этой земли, скал и моря, накопленные сотнями раставших без следа и памяти поколений...» Разве может память народная, уходящая своими корнями в память каждого рода, раствориться во времени, исчезнуть в крови человека? Да, «учился Николка у родителей мудрости и содержанию жизни человеческой», — знает на собственном опыте автор. «В каждом из непрерывной цепи живущих воскресает “память отцов”», — писал основоположник течения русского космизма Н. Федоров. Она и воспитывает каждого из нас опытом жизни и опытом приобретения знаний.

Во всем у Алексея Яшина ощущается эпохальный размах повествования, историческая ретроспектива, прочитывается серьезное понимание наследия поколения XX века, видится глубокая философская подсветка. «Детский ум ребенка убежден в бессмертии носящего его тела», — заметит он, тем самым придавая большое значение этому первоначальному периоду в судьбе своего героя. «Маячный пацан» Николка, вся жизнь которого проходила в сугубо владениях Северного флота, по воинской дисциплине, впитал и дисциплину внутреннюю, строгую дисциплину усвоения новых знаний. Полярный житель острова жил по своим четко установленным правилам: постоянный и аккуратный читатель библиотеки, причем, брал он и научно-популярные, и историко-краеведческие книги, в частности, по истории Кольского края, обязательно по радиоделу, заядлый коллекционер-нумизмат, знающий буквально все денежные единицы. Что тут скажешь?! Поэтому не особо его удивляет поездка в Крым, в пионерлагерь, и даже Черное море не кажется таким заманчивым! Тянет домой, к северным берегам. Свое кровное ближе, дороже. Да и каникулы у любознательного школьника «на новом месте идут «неторопко», по-русски, как в старину. Не будет впоследствии и уже наш взрослый герой Николай Андреянович рваться ни на какие заморские курорты, а свой отпуск, не уподобляясь модным веяниям, предпочтет проводить дома, тихо и буднично, за приятным чтением хороших книг. Характер, заложенный в детстве, — налицо!

Человек проявляется в мелочах, из них слагается жизнь, и зоркий, пронизательный взгляд автора многое подмечает. Внешнее спокойствие и внутренняя собранность давали повзрослевшему Николке определенную свободу действий, необходимую для принятия судьбоносных решений самостоятельно. «Несостоявшийся нахимовец» объяснял свой выбор сообразно новому времени — появлению физиков и лириков — его целиком и полностью захватило радиодело. Вот так у самой кромки Арктики, у самого Баренцева моря рождался будущий известный ученый и писатель.

«Почему с детства тянет человека даль, ширь, глубина, высота, неизвестное, опасное, то, где можно размахнуться жизнью, даже потерять ее за что-нибудь или за кого-нибудь? Разве это было бы возможно, будь нашей долей только то, что есть, «что Бог дал», — только земля, только одна эта жизнь? Бог, очевидно, дал нам намного больше», — писал И. Бунин в своей лирико-автобиографической книге в пяти частях «Жизнь Арсеньева». «Вернись хоть на миг воспоминание детства: море, качающийся на волне катер и незакатное в полуночи июльское солнце, а вдали, у самого горизонта — скользящий по тихой глади купола мира серый корабль!» — словно

вторя первому русскому нобелевскому лауреату и последнему гениальному певцу той уходящей России, с проникновенным лиризмом художника-живописца напишет свое пронзительное слово о детстве и Алексей Яшин.

Карта памяти его жизни и судьбы навсегда прочертила линию: Заполярье — Северный флот — Мурманск.

Вместо эпилога, или nota bene самого автора

Оглядываясь назад, бытописатель Алексей Яшин ставит перед собой актуальную цель: показать историческую память правдивой, соотнести ее с координатами современных реалий и вызвать у читателя явный интерес к нашему общему прошлому. Дабы подвести сюжет всей дилогии «Страна холода» к его конечному обобщению, заглянем и в авторский эпилог, коим и заканчивается вторая книга, — «Любопытствующим о будущем...» По ходу повествования он обращается к ранее написанному и отнюдь не случайно вновь говорит о глобальном расчеловечивании. Вырисовывается яркий контраст, два абсолютно противоположных мира: детство Николки, наполненное творчеством, и нынешнее время повальной компьютеризации и всевозможных гаджетов, буквально в ранних лет губительно действующее на детскую психологию ребенка. Невероятно сложно нынче прокладывать личную дорогу в большой мир, ставший человеку недружелюбным, полностью технологизированным.

Отойдя от книжных событий повести, Алексей Яшин ищет ответы на вопросы в произведениях известных философов, выдающихся деятелей литературы и искусства. Писатель, публицист и логик А. Зиновьев в своем философско-социальном романе «Человеиник» определяет нынешнюю эпоху как глобальный «человеиник», создающий людей-роботов. Появляется существо, предсказанное в романах-антиутопиях XX века, которое в христианских категориях называют «человеком последних времен». Кибернетическая образность и связь нашего мира с миром будущего — это уже не фантастика. Глобальная цифровизация и глобальные категории расчеловечивания человека — визитная карточка нового века. Подобное мы с вами как раз и наблюдаем сегодня. Великий провидец Ф. М. Достоевский предостерегал человечество об опасности замены знания и чувств информацией, бездуховностью, безнравственностью. В третьем тысячелетии на чашу весов также поставлены разум — Анти-разум. Алексей Яшин говорит об этом в своей книге «Женщина в человеинике», когда дает характеристику нашему времени, теряющему семейные ценности, в книге «Болдинское межсезонье», когда создает образы современной «молодой поросли», поглощенной механистическим стилем жизни, в книге «Житие наше оцифрованное», когда сокрушается о том, что человеческая душа заменяется схоластической цифрой и программой, неспособной сохранить творческую индивидуальность, забывающей и не чувствующей живое, родное слово. Привычный добрый мир рухнул, человек растерян и подавлен, не зная, как ему выживать в условиях крайне измененного современного мышления. Уход от традиционной духовности и творческой художественности, о которых Алексей Яшин так вдохновенно рассказал в своей новой дилогии, привел нас и к утрате массового читателя. Человеку с компьютерным мышлением необходима лишь информация, а не сама книга, открывающая тайны и загадки его внутреннего мира, вдохновляющая его мыслить творчески и помогающая ему выбирать верный путь в жизни. Программа искусственного интеллекта стирает память и саму личность. Мы видим, как все искусственное приходит на смену некогда естественному ходу вещей.

Философия Вселенной такова, что она соединяет в себе интеллектуальный Космос, Землю, Природу. Человек несет в себе микрокосм, целый великий мир, в котором отражается и макрокосм человечества, где очень важна коллективная память системы микромира, каждой его частицы в отдельности, особенно память генетическая, сохраняющая нас духовно. Компьютер, голая цифра это уничтожают. Опера-

тивная память не может заменить памяти исторической, уходящей своими корнями в память человеческого рода. Мир состоит из разных контрастных систем, предусматривающих единую форму бытия целостности всего, в чем, по убеждению Н. Бердяева, состоит «смысл истории». Энергия космоса сулит миру живые связи ноосферы как новый выбор человечества, подключающий вселенский масштаб Духа, нравственного Разума. Но сможем ли мы совершить этот грандиозный прорыв в будущее, ибо нарушена и катастрофически уничтожается биосфера Земли, а вместе с нею нарушается и гибнет экология человеческой души?

Великий Инквизитор, или современный Молох глобализации, пророчески предсказанный Ф. Достоевским, должен быть побежден планетарной Всечеловечностью — альтернативой Абсолютному Злу бездуховности, — гениально им же и предлагаемой миру. Человек должен сохранить в себе человека творческого. Именно об этом на страницах своей книги «Страна холода» напоминает нам и одновременно предостерегает нас об опасности потери главного — самих себя — Алексей Яшин. Без сомнения, его книга — как яркое свидетельство нашей созидательной эпохи — состоялась. Каким-то непостижимым образом в ней соединилось все воедино: детство, Северное Заполярье, память поколений, история страны, наше настоящее и наше общее будущее!

Вадимир Трусов
(г. Мончегорск)

ЗАПОЛЯРЬЕ КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА
(о повести А.А. Яшина
«Страна холода — под опекой Арктогеи»)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Алексей Афанасьевич Яшин, обладатель множества научных и литературных званий и живущий в г. Туле, родился и вырос у нас в Кольском крае, где воевал, а позже служил на маяках Кольского залива его отец, от коего не отставала, естественно, и мама будущего ученого и писателя. В общем, расстался с Севером А.А. Яшин в семнадцать лет, но по сей день сохранил самые теплые впечатления и чувства о «малой родине». Именно тем далеким, нелегким, но и по-своему прекрасным годам и посвящена повесть писателя «Страна холода — под опекой Арктогеи».

Родители автора, как я уже упоминал, много лет отдали службе в СНИС Гидрографического управления КСФ, и жили, вместе с детьми, на островах Седловатый и Большой Олений, в Палагубе и только уже потом перебрались с г. Полярный, в то время главную базу флота. Излишне напоминать о суровых условиях пребывания на заполярных островах, находясь довольно долгое время в практически полной изоляции от Большой земли! Сие и взрослым нелегко, нужен, наверное, для этого особый склад характера и души; а детям и подавно тяжело. И тем не менее дети жили там, учились и помогали родителям, и, естественно, постоянно контактировали с местной природой, суровой и прекрасной, как и положено истинным и полноправным «островным аборигенам».

Вообще говоря, проза, созданная А. А. Яшиным (к слову — дважды доктором наук и членом СПР, основателем и главным редактором литературно-художественного журнала «Приокские зори»), весьма обширна. Значительную ее часть объединяет общее название «Рассказы Николая Андреяновича», меняется лишь порядковый номер книг. Вот и представленная повесть имеет в подзаголовке уточнение «Одиннадцатая книга рассказов Николая Андреяновича». Кто он такой, спросите, сей рассказчик. А это главный герой цикла автобиографических повестей и романов Яшина, являющийся полным альтер-эго автора. Есть он и в «Стране холода...». Только здесь он не солидный доцент, писатель и прочая, а шестиклассник Николка, живущий на одном из островов Кольского залива.

Кстати, десять лет назад увидела свет первая «Страна холода (Детство в Гипербореях)», где описано самое раннее его детство, начало жизни на островах и первое освоение окружающего мира. То есть, по сути, мы имеем полное описание детства и отрочества Николая Андреяновича, изложенное автором в присущей ему манере: свободное построение правильных синтаксических конструкций, не утомляющих читателя, соблюдение хронологии изложения описываемых событий, с некоторыми отклонениями и отвлечениями на «вставки» в тексте; несомненно интересное описание службы, взаимоотношений и быта «маячников» начала пятидесятых годов XX в.

Плюс к тому всегда присутствующая в прозе Яшина ирония, а равно и авторская самоирония.

Повторяю, перед нами произведение не только «правильно написанное», но и очень интересная и полезная повесть для широкого круга читателей самого разного возраста. Автор отнюдь не пытается завоевать внимание читателя «поддельной пошлятилкой», коллоквиальным сленгом, соленькими сценами из жизни «маячников». А вот настоящие как комические, так и драматичные, жизненные коллизии, истинно морские «байки», подлинные эпизоды в повести есть во вполне достаточном количестве.

Но это все «техника», конечно же, предельно необходимая, но совершенно не достаточная для создания зрелого произведения. Главное же, на мой взгляд, состоит вот в чем: в книге показана повседневная жизнь обычных тружеников Заполярья, четко вписанная в повседневную жизнь великой страны, и две эти «жизни», малая и всеобщая, вполне гармонично соотносятся, даже при учете всех «загибов-перегибов» и тому подобных явлений, порой совершенно не бесследных для жителей СССР. Повесть — это честный и грамотно написанный фрагмент огромного полотна, где все свершения более чем шестидесятилетней давности переданы через призму отношения к ним простых людей, через поступки этих людей, на которые сии «свершения» могут повлиять, либо уже повлияли.

Фраза о том, что «без прошлого нет будущего» у нас уже повторена тысячекратно; так вот пример именно той ценнейшей информации, коей вообще мало кто ныне владеет. А скоро и вообще владеть не будет никто. Вот и рекомендуйте книгу к детскому и юношескому чтению. Да что дети — для меня, коренного северянина, прожившего в Заполярье практически полвека, повесть явилась в некотором роде открытием, ибо с этой частью жизни я, по воле судеб, вообще никогда не сталкивался. Есть такая фраза в одной из песен известного «рокера», мол, чтобы стоять, я должен держаться корней... Ну так давайте не забывать свои корни, и повесть «Страна холода — под опекой Арктогеи».

Я намеренно не стал пересказывать эпизоды книги, описывать кратко содержание, поскольку рецензия или отзыв — это не синопсис. Сколько бы аз не талдычил фрагментарно, все одно, мои усилия в данном направлении не возымеют должного действия. Но вот если кому-то не безынтересно, как ловят подростки на яликах треску «накидкой», как переходят через «перейму», как «выбрали» место для пионерлагеря КСФ, на каких островах стояли маяки службы СНИС и что это за служба» и многое, многое другое, тогда исполать вам, книга вызовет несомненный интерес и принесет реальную пользу. А чтение нисколько не утомит даже самого капризного из нас.

А название «Арктогея» пусть никого не пугает. В избирательном толковании это и богиня севера и, одновременно, некоторая область северных, заполярных земель. В том числе и наше Кольское заполярье. И те, о ком написана повесть, в некотором роде, это наши, заполярные, «труженики моря».

Игорь Карлов
(г. Москва)

ТЕПЛЫЕ СЛОВА О «СТРАНЕ ХОЛОДА»

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Новый том на моей книжной полке: Алексей Яшин, «Страна холода (2): Под опекой Арктогеи». Известный российский прозаик и публицист, выпускник Литературного института им. Горького, член Союза писателей России, автор десятков книг, лауреат полутора десятков литературных премий в странах Союзного государства и многочисленных медалей, главный редактор всероссийского журнала «Приокские зори», сотрудник редакционных коллегий ряда столичных и провинциальных изданий в России и Белоруссии, биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, дважды доктор наук, дважды профессор, академик, Алексей Афанасьевич Яшин продолжает серию рассказов своего излюбленного героя — Николая Андреевича. На сей раз писатель, сам уроженец и горячий патриот Заполярья, с которым не порывал связи, куда бы ни заносила его судьба, возвращается к повествованию о детстве Николки, сына смотрителя маяка, обитающего вместе с семьей на одном из островов Баренцева моря, к повествованию, начатому книгой «Страна Холода (детство в Гипербореях)».

Творчество А. А. Яшина, во многих отношениях яркое и самобытное, интересно еще и как пример жанровых поисков в современной русской прозе. Сегодня обокраденные пронырливыми извращениями от шоу-бизнеса поборники русского искусства затравленно вздрагивают при словах «художественный поиск», поскольку «арт-рынок» построен на спекуляции самыми мерзотными пакостями, которые дешевы в производстве и продаются куда как легче, чем рожденные из «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» произведения. Отступая от темы, давайте уж здесь честно скажем, что именно «арт-рынок» и убивает искусство, ибо подлинные шедевры при их гениальной окказиональности рынку невыгодны, а вот вонючие поделки как раз штампуются с периодичностью функционирования испорченного желудка и могут стать основой иного «бизнес-плана».

А вот разбирая «Страну холода», есть смысл поговорить о том, что такое настоящий поиск в искусстве. Подлинный творческий поиск немислим без базы, без учета, уже созданного предшественниками, то есть без традиции. В том-то и смысл новаторства: добавить нечто ценное к уже имеющемуся в копилке человечества. Так обстоит дело не только в искусстве, но и в науке, в медицине — в любой сфере деятельности. Не учившийся лекарь суть шарлатан и вредитель. Следовательно, не прошедший длительной и суровой подготовки художник не может быть назван новатором от живописи и даже признан порядочным маляром. Подходящие для него названия — только пачкун и мазилка. Новаторство вовсе не в отказе от традиций, ведь культура (даже сельскохозяйственная) — это всегда труд, возделывание дикой природы, ее оплодотворение разумом и духовностью, а без такого возделывания невоз-

можно не только искусство, но — шире говоря — культура и цивилизация как таковая. Осознанное насаждение дикости в искусстве неминуемо приведет к одичанию человечества, к такому его состоянию, когда род людской откатится к собирательству и меновой торговле. Тогда никакого рынка уже не нужно будет.

Так дельцы от псевдоискусства в погоне за легкой наживой готовят свою гибель. Что ж, туда им и дорога. Однако, погибая, они утащат за собой в небытие не только ту пошлость, которую безосновательно именуют «современным искусством», но и подлинное искусство, и цивилизацию.

А в подлинном искусстве, разумеется, тоже идет поиск, ведь отразить внутренний мир современного человека истинному мастеру необходимо адекватными эпохе средствами. Следовательно, разговор о настоящих творческих поисках необходим, как бы ни мешали ему самозванные «деятели культуры», шулерски жонглирующие украденными у добропорядочных творцов терминами, и новая книга Алексея Яшина, как сказано выше,— благодатный материал для подобной дискуссии.

В чем же своеобразие жанровых поисков автора, и как проявляется преемственность в его тексте? Каков творческий метод А. Яшина? К какому литературному направлению отнести его книги? Считать ли его очередное произведение «взрослой» или «детской» литературой?

Прежде всего, следует отметить, что не любая книга, в которой главным героем выступает ребенок, относится к детской литературе. «Детская литература», на мой взгляд, вообще понятие отвлеченное, пригодное для названия издательства, но не для критического анализа. Разумеется, есть книги, написанные специально для маленького читателя, но это изобретение инфантильной новейшей истории. Большая часть произведений, относимых ныне к детскому чтению, «зажигают не по-детски». Русские сказки или греческие мифы в их неадаптированных формах могли бы, скорее, сломать неустойчивую психику. Роман «Хижина дяди Тома», по известной оценке Линкольна, развязавший гражданскую войну в США, тоже легкой вещицей не назовешь. «Аленький цветочек» поднимает серьезные взрослые проблемы. Публиковавшиеся в журналах для детей стихи Хармса чаще всего цитируются людьми с пробирающей сединой. Вот и Яшинское повествование о Николке с острова Большой Олений адресовано опытному и мыслящему читателю. Однако постановка в центр художественного исследования психологии формирующегося человека само по себе показательна с точки зрения жанра.

И тут в первую очередь вспоминается жанр романа воспитания. А. Яшину и как писателю, и как ученому, разумеется, близки многие идеи эпохи Просвещения, а потому и его герой Николка наделен чертами героев Гете, Вольтера, Руссо. Яшин — современный писатель, которому очевидны заблуждения XVIII века. Яшин — русский писатель, посему к европейской светскости относится со здоровой иронией. Яшин — писатель-реалист, следовательно далек от любых «штилей» и канонов классицизма. А все-таки в глубине души Яшин согласен с Руссо в том, что «естественный», близкий к природе, к первобытному состоянию, человек жизнеспособнее и нравственнее, чем выходец из высшего общества. С ним, с «естественным человеком», связаны надежды Алексея Яшина, от рождения присущая «*homme nature*» витальная сила вызывает исторический оптимизм автора, хотя и сдержанный, но явно ощутимый в каждой книге.

Важной, может быть, важнейшей особенностью жанра воспитательного романа является социальный аспект. Конечно, А. Яшину безразлично, что за люди окружают его Николку, в какой степени и какими способами влияют на формирование личности мальчика. Однако в данном аспекте историческая преемственность у Яшина проявляется, можно сказать, от обратного, через переосмысление творческих работ писателей-предшественников. Такой подход представляется вполне закономерным, поскольку о Николке с Мурмана заботятся люди, резко отличающиеся от

тех, с кем судьба сводила, например, его сверстника Дэвида Копперфильда из Лондона. И хотя родители обоих подростков довольно скупы в проявлении чувств, однако в советском Приполярье это проявление искони присущей русскому северу сдержанности, а в Британии середины позапрошлого века — пуританской ментальности. Оба мальчика учатся в интернате, однако для Николки учеба — дорога во взрослую жизнь, дорога, на которой его сопровождают равнодушные учителя и добрые приятели, а для героя Диккенса пребывание в воспитательном доме — настоящее мучение. Николка растет в гармонии с природой, Копперфильд — под кирпичными сводами капиталистического города. Главное же отличие: в Николке взрослые видят складывающуюся личность, будущего гражданина, которому предстоит нелегкая, но яркая жизнь, а в Дэвиде — средство обогащения, раба, с детства запроданного семейством в один из торговых домов.

Обобщая все образы, созданные в «Стране холода», следует, не мудрствуя лукаво, сказать, что персонажи книги Яшина — добрые. Не сладенько-добренькие (в духе открыточных рождественских историй, характерных для того же Диккенса), а по-настоящему добрые, сформированные суровой природой Севера, жесткой эпохой послевоенного восстановления страны, трудными условиями островной жизни, но не озлобившиеся, крепко помнящие, что такое хорошо, и что такое плохо, понимающие, что жизнь имеет смысл, выходящий за пределы исключительно материального измерения и одинокой человеческой единицы.

Безусловно, в становлении именно таких характеров решающее значение приобретает воссозданный автором в произведении исторический момент. Если образы романа Диккенса отражают присущие периоду первоначального накопления капитала аморализм, алчность, бездушие, то герои Яшина бытуют в Советской стране второй половины XX века, и для них социально (здесь чрезвычайно важно подчеркнуть: не идеологически, а именно социально) детерминированный гуманизм эпохи становится сутью мировоззрения. Пусть в чем-то наивны, но милы люди, окружающие Николку и на Большом Оленьем острове, и на других островах, и в городе Полярном, и на родине отца в деревне Дворцы. Все эти североморцы и калужане, подводники и учителя, сельские жители и горожане — как они симпатичны и непосредственны! А. Яшин, оставаясь верным принципам реализма в литературе, далек от того, чтобы живописать нам исключительно положительные образы. Конечно, нет! Иначе они вышли бы ходульными и нежизненными. Подчас кто-то из героев книги хитрит, кто-то в погоне за лучшей жизнью выискивает способы заработка полегче, кто-то, не славив с искусством игры на мандолине, в сердцах расшибает неподатливый инструмент о стену сарая, мальчишки покуривают тайком от родителей, взрослые матерят Хрущева за допущенные ошибки, иногда тянутся к бутылке... Слабости северян нам понятны, мы прощаем их недостатки по отмеченной выше причине — это люди добрые.

Свет их доброты для Николки подобен свету маяка, за которым смотрит отец: этот свет в будущем не раз выручит, покажет нужное направление, внушит надежду. И сам маяк, следовательно, приобретает черты образа-символа. Да, свет отчего дома, свет доброты согревает и поддерживает главного героя «Страны холода», приучает к жизни непростой, небогатой, но наполненной теплом родства, свойства, землячества, вековой правдой семейного уклада, уважением к труду, к службе Отечеству, осознанием гармонии человека и природы. И мы, заглянув в послесловие книги, убеждаемся: приарктическая Гиперборея в итоге научила Николку быть счастливым.

Следует отметить, что роман воспитания после Второй мировой войны получил дополнительный импульс к развитию, психологически достоверно отразив взросление подростка в мире, обожженном глобальным пожаром. Огромную популярность получило, в частности, произведение Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Переклички с этим романом тоже слышны в повести «Страна холода» (2), и они тоже переосмыслены автором по принципу «от обратного». Герои обоих произведений не

приемлют фарисейства, не признают «липы» в любых ее проявлениях. Но на поверку выясняется, что если американское общество насквозь пропитано лицемерием, то в советском неискренность мира взрослых проявляется в довольно узком сегменте идеологии, отливаясь, скажем, в нескладные лозунги, прославляющих царицу полей кукурузу. Однако идеология и реальная жизнь в книге А. Яшина практически не пересекаются. Приняв как данность сформулированные властью идейные принципы, люди живут прежде всего не политическими, а государственными, народными и, разумеется, личными насущными интересами, именно их ставят во главу угла как собственного бытования, так и бытования своих детей.

Потерянно слоняющийся по Нью-Йорку Холден Колфилд не уважает и боится родителей, с подозрением относится к учителям, раздражается при общении со сверстниками. Американский юноша представляет собой ярко выраженный психотип одиночки, и вопрос о его социализации относится к разряду мечтаний (хотя и в мечтах своих Холден остается одиноким: он предпочел бы оказаться единственным взрослым на планете детей). Принципиально иная ситуация у Николки из книги А. Яшина. Семейный лад, коллективистские принципы школьного обучения и воспитания, самоотверженное мальчишеское братство созидают личность, активно взаимодействующую с другими членами общества, готовую к проявлению лучших своих качеств, к творческому поиску, и в этом отношении гораздо более свободную.

Инфантильному герою Сэлинджера потребовалось пережить череду разочарований и совершить несколько горестных открытий, касающихся собственного внутреннего мира и внутреннего мира окружающих, чтобы понять святость миссии старшего брата, чтобы увидеть призвание в удержании тысяч малышей, оставшихся без присмотра взрослых, от падения в пропасть. Николка с Большого Оленьего (хотя он и младше Холдена) уже готов заботиться о братьях, об одноклассниках, о доме, о домашних питомцах, об острове, на котором живет; и нет сомнений в том, что в будущем он способен осознанно взять на себя заботу о стране, о народе. С такими парнями, как Николка, хорошо учиться в одной студенческой группе, служить в одном армейском подразделении, работать в одном КБ. Таких приглашают свидетелями на свадьбу, зовут в крестные. На таких держится Россия.

Для понимания своеобразия жанра повести «Страна холода», безусловно, следует принять во внимание локализацию действия произведения. Главный герой, как уже неоднократно отмечалось, живет на острове, и это чрезвычайно показательно. И хотя Николка не раз посылается автором то в город Полярный, то «на большую землю» — в Калужскую область, все же он по рождению и мировосприятию островитянин. Так дорог автору герой, что хочется его на какое-то время защитить от возможных дурных влияний, от предстоящих тягот повседневной жизни, растянуть его пребывание в островном заповеднике, поместить в устойчивую и благоприятную систему координат, чтобы как можно дольше любоваться нетронутым северным цветком, пусть и неярким, зато спокойно-красивым.

И вновь приходят на память традиции тех книг, в которых островная жизнь становится способом выражения позиции писателя. В этой череде и «Утопия» Томаса Мора (здесь само заглавие стало обозначением жанра), и аллегорический роман Таллемана «Езда в остров любви», и «Робинзон Крузо» Дефо (роман просветительский), и сатирико-фантастические «Путешествия Гулливера», описанные Свифтом, и сентиментальный роман Карамзина «Остров Борнгольм», и «Остров сокровищ» Стивенсона (тоже роман воспитательный в той же мере, в какой приключенческий), и мрачная социальная фантазия Голдинга «Повелитель мух», и «Обитаемый остров» Стругацких (фантастическая антиутопия по жанру).

Каждый раз, когда в литературном произведении мы сталкиваемся с островным пространством, мы сталкиваемся с пространством не географическим, а культурным, обособленным в национальном либо историческом плане от иных (предшествовав-

ших или же смежных) культурных явлений. Помещенные на острова герои литературных произведений представляют собой поведенческие модели, которые авторы выносят на суд читателя в качестве то образца, а то предостережения. Поэтому и «Страну холода» с полным правом мы можем считать стоящей в данном ряду попыткой индивидуальной, социальной и национальной самоидентификации. Отображая жизнь на Большом Оленьем, на других островах Кольского залива, автор производит над собой и своим героем художественный эксперимент и тем самым провоцирует читателей на подобное же самоопределение. В ментальном смысле для каждого из нас есть возможность либо принять сконструированный А. Яшиным мир и остаться на острове вместе с Николкой, либо решительно направиться к другим берегам. Третьего не дано.

А теперь о теплых словах, т.е. о языке писателя Яшина (который важен и интересен ровно в той же степени, в какой значимы его жанровые поиски). Слова в «Стране холода» в самом деле теплы, поскольку передают сердечное отношение автора к своим персонажам и читателям. Текст «Страны холода» — одна из редких в нашей литературе попыток противостоять раковой опухоли, поразившей современный русский язык.

Очумевшие от телевизора, загоняющие себя в родственную наркотической интернет-зависимость, россияне — нерадивые наследники Ломоносова, Карамзина, Пушкина — отравили родную речь корявыми штампованными заимствованиями, залили кислотой мата, заразили трихинами тупорылых невыразительных жаргонизмов. Доброе, меткое, яркое слово нынче почти неслышно в городской толпе или на деревенской завалинке; в деловом «словообороте» воцарились канцеляризм-мизантропы; в сфере образования правит бал псевдонаучный говор молодящихся профанов; умно и правильно излагающий мысль (как в устной, так и в письменной форме) комментатор — редкий гость в средствах массовой информации. А те, кто именуют себя писателями, зачастую выставляют свои словеса на панель все того же «арт-рынка» или скандального сиюминутного успеха точно так же, как сутенер гонит на «работу» подопечных «девочек».

Посему каждому из нас, носителей русского языка, нужно крепко подумать, прежде чем выпустить из уст слово: не воробей оно, да нагадит на голову ближнему может (и весьма обильно, ежели изрекать его не подумавши). Нам бы всем помолчать годок-другой, размышляя о русском слове, в тишине приглубливая его, любясь им, учась у него — глядишь, после того и промолвили бы нечто доброе, полезное, душевспасительное... Не выйдет, конечно, умолкнуть дружно и надолго! Но хотя бы на час в сутки всякий может приостановить поток высказываний и прислушаться к тому, как, чем они отзываются в его собственной душе; но хотя бы на минуту любой в любом разговоре способен прикрыть рот, попробовав представить, какие чувства и мысли рождает в собеседнике его витийство; но хотя бы на секунду каждый в силах сдержаться рвущееся в мир словцо, дабы ощутить его вкус и весомость.

Неплохо бы также взять в руки хорошую книгу, вчитываясь в хорошие слова. Например, «Страна холода» щедро изукрашена яркими речениями, от которых на душе становится веселее и легче. Почти наугад раскрывая страницу, обязательно встречаешься с фразой, которая не столько повествует о событиях или описывает быт героев, сколько выражает суть их жизни. Судите сами: «С Николкой, конечно же, никто на этот счет не советовался, но на то и уши даны слушать разговоры отца с матерью. Секретничать же в семье и в заводе не было принято. По северным, маячным меркам тринадцатилетний парень по разумению — если не дурак, перед которым шапки не снимают, от рождения — уже не задает глупых вопросов по житейской части. И без родительских рассуждений понимал: когда все трое неоперившихся, как старшие Георгий и Толька, сыновей большую часть времени на отлете в Полярном, то и сама семья внешне и по сути смотрится этакой кривобокой». Или вот

такой абзац: «Ребята притихли на лавках вдоль стен, но зорко смотрят: не опоздать бы и, обжигая пальцы, побыстрее схватить с вытащенного матерью противня раскаленный сладкий пирог или творожную шаньгу и со вдохом проводить глазами отправляемый остывать рыбник — запеченную в хлебном домике трехкилограммовую треску или плоскую истекающую жиром камбалу».

На многих страницах книги встречаешь зазорные и мудрые присловья, присказки, пословицы и поговорки, яркие обороты народной речи: «девять месяцев зима, остальное лето», «чему посмеешься, тому и поработаешь», «где та мышь, чтобы коту звонок привесила?», «сказал бы словечко, да волк недалечко», «болтать — не мешки ворочать», «от Колы до ада три версты». Включает А. Яшин в свой текст и колоритные диалектизмы («у него рука броска, себе лоб расшибет, если баским не покажется»), и народную частушку («Загрустил миленок мой, ничего не кушает, У приемника сидит, оперную слушает»). Все это создает особую языковую среду, именно теплую среду, которая и от мурманской метели сбережет, и от житейской тоски.

Само оглавление «Страны холода» можно прочесть как яркий текст, в котором встречаются душевные, запоминающиеся обороты речи: «Лиха беда начало, а мы пойдем с конца...», «На море зыбит, каникулы на новом месте идут неторопоко», «Мил черт одному сатане...», «Обряжение бани...», «Торпеда, подожди до обеда», «Чужая доука — злая мука, или живи да оглядывайся», «Мы к вам, а и вы к нам тоже», «За морем телушка полушка, да рубль перевозу», «Не тупи ученье — потеряешь соображение», «Воспитательные мысли не на сковородке готовятся», «Островной берег не имеет начала и конца». Простые, казалось бы, слова, забавные, ни к чему не обязывающие рифмовки, а встают за ними проверенные народным опытом истины. И тянет читателя заглянуть в каждый раздел книги и разобраться, для чего обряжают баню, где готовятся воспитательные мысли, с какой стороны заходить к повествованию. Чтобы разобраться, в конце концов, как следует жить!

За каждым словом в «Стране холода» видится нам то легкая усмешка автора, то его озабоченное лицо, когда пойдут воспоминания о прошлом, то нахмуренное чело, если речь коснется дня завтрашнего. В целом, познакомившись с повестью, выносите для себя впечатление беседы с мудрым человеком, познавшим жизнь, понявшим в ней нечто такое, чем он готов с нами поделиться, помочь нам. Так пусть же его труд пойдет нам впрок.

